

Юрий Нагибин:

Пушкинская Натали была всегда пустой, холодной и глупой бабой

Комс. правда. - 1998 - 28 февр. - с. 3

- Вот умру, - сказал мне, прощаясь, Нагибин, - годика через два-три и публикуй наш разговор в большой прессе. Когда улягутся обиды, успокоится душа. - И ткнулся в мою щеку сухими губами.

Прошло три года. Вдова писателя Алла Григорьевна Нагибина благословила в печать это интервью...

- Юрий Маркович, что такое счастье?

- Помните «Прощай, оружие!» Хемингуэя? Там лейтенант Генри отвечает: счастье - в любимой женщине. Когда я прочел этот ответ, то, помню, подумал: «Боже мой, как бедно... Гораздо большее счастье в творчестве, в путешествиях, приключениях». Такое запоздалое мушкетерство во мне говорило. Уж любимая женщина, она всегда найдется, думал я.

Мне скоро 75, и я пришел к этой необычной мудрости лейтенанта Генри и Хемингуэя: счастье - в любимой женщине.

Я был шесть раз женат, и каждая женщина что-то вносила в мою жизнь. Думаю, и я каждый из них что-то дал, а был не только мужем. Та, с кем я был счастлив, становилась моей женой. Моя первая любовь - моя первая жена...

Я много ездил. Кроме Южной Америки, в которую меня почему-то упорно не пускали, был почти везде. Был в Африке и написал книгу «Моя Африка». Был в Австралии, на некоторых экзотических островах... Был в большей части Азии, объехал всю Европу, читал лекции в университетах США и Канады... Ну и что? Дало мне это чувство счастья? Не знаю...

Я замечательно работаю в своей профессии, но и это трудно назвать счастьем. Столько муки в этом, постоянное чувство неудовлетворенности собой. Это мое главное дело, но не главное счастье. Возможно, в конечном итоге это может оказаться высшим счастьем в моей жизни, но сам я как счастье это не ощущаю. Меня до сих пор, как ни странно, не разочаровал лишь один-единственный мой рассказ. Это «Рассказ синего лягушонка». Это рассказ об Алле, моей последней жене. Я превратился в лягушонка, а потом встретил козлю, в которую превратилась Алла.

«К поре нашей встречи во мне угасли низкие страсти затянувшейся молодости (справедливо, что не дает плодов то дерево, которое не шело весной, но плохо, когда весна слишком затягивается и цветенье становится ложным - пустоцвет), и, уже не отягощенный ими, каждый Божий день, каждый Божий час жил своей любовью, что не мешало работе, радости от книг, музыки, живописи, новых мест,

жены того или иного писателя, поэта... Читают их опубликованные письма. Я сейчас понимаю, что в сфере небесных талантов все абсолютно связаны. Как и в сфере бездарностей.

Невероятно подняли авторитет Натали Николаевны Пушкиной, а она совершенно не заслуживает того фимиама, который вокруг нее воскуривают. Самое лучшее свидетельство о поэте - сам поэт. Возьмите письма Пушкина к

них лягушках в санатории «Русское поле», где я очень люблю отдыхать. Там рассказ был задуман. Я гулял и видел на воде какие-то синие цветы. Они мерцали и двигались. Они дышали. Я ничего понять не мог, пока не узнал, что это обыкновенные древесные лягушки, самцы. В период брачных игр они становятся синего цвета, чтобы привлечь самочек. Женихи такой яркой окраски. Я не люблю лягушек, не знаю, почему.

Толстой не любил крыс, он мучился, что не может их полюбить, все спрашивал себя: почему они такие некрасивые, что их невозможно полюбить... Боже мой, он всех хотел любить. Так вот. Я печалился, когда цвет лягушек угасал.

Печаль наложила на тоску - я всегда трудно переживаю расставание с Аллой, а это случалось всегда, когда я был в санатории. Тоска о любимом человеке совпала со зрелищем брачующихся синих цветов на воде. Это стало только

только это случилось, первая мысль, которая мне пришла: я должен увидеть Аллу. Я поехал в Ленинград. Мы встретились. Вскоре у нас начался роман, который длился какое-то время, а потом прекратился. Я до сих пор не знаю, почему.

Но я все время разлуки чувствовал, что мне нужна эта женщина. И уже навсегда. Я снова поехал в Ленинград, и через короткое время был представлен ее маме, совершенно замечательному человеку. Потом Алла переехала ко мне. И тому уже 25 лет.

- А вашей жене не было страшно, что она связывает судьбу с известным писателем?

- Ей это было абсолютно безразлично. Она вообще не испытывает ни малейшего пиетета ни к именам, ни к фамилиям. Для Аллы самый незначительный человек может стать симпатичным, и она будет ему самым лучшим другом. И плевать она хотела на имена. Хотя она человек скромный...

А вы знаете, Сережа, это признак настоящей души. Это, видимо, свойство каждого настоящего человека: не

любил Машу Асмус, она стала моей первой женой. Чтобы не потерять ее, второпях расписался с ней и ушел на фронт. Не помогло. Когда вернулся с фронта, Маша была уже с другим. Она была дочерью известного философа, писателя. Через нее я познакомился с Нейгаузом, Рихтером...

Очень пресным был брак с дочерью директора автомобильного завода Ивана Лихачева Валеи. Когда я попал в эту семью, среди друзей считался лихим выпивохой. По меркам же семьи Лихачевых оказался просто трезвенником. Валея любила рассказывать, что она - дитя взрыва. Когда Лихачевы были молодыми, в перерыве одного из заседаний Иван с будущей женой полюбил друг друга прямо в парке неподалеку от здания, где проходило заседание большевиков (так мало было времени). В момент «извержения» раздался сильный взрыв - эсеры подложили большевикам бомбу. Таким образом, взрыв чудесно совпал с мигом зачатия дочери Валеи...

Из-за Лихачева я бросил болель за свой любимый «Спартак» и переключился на «Торпедо». Но «семейному счастью» это не помогло. У нас с Валеи начались параллельные романы: у нее - со студентом консерватории, в которой она училась, а у меня - с ее мамой, то бишь с собственной тещей...

Потом были Лена и Ада. И та, и другая были прелестны, но с Адой было веселее. Она была известной эстрадной артисткой. Мы шумно, с выдумкой отдыхали, получив гонорары: я, Саша Галич и Ада...

Мучительным, но интересным был брак с Беллой Ахмадулиной - моей пятой женой. Белла была первой женой Женьки Евтушенко, он научил ее пить портвейн. А моя мама накормила Беллу вкусным борщом. Борщ ей так понравился, что Белла посвятила ему стихотворение. Думаю, известная уже поэтесса вообще впервые попробовала настоящий борщ...

Для Беллы я выстроил второй этаж дачи, чтобы ей было уютнее писать стихи, сидя в «скворечнике», созерцая мир сверху. Она так хотела. Но Белла не всегда использовала этот уют по назначению. Выпивала свой портвейн и через окно убежала к поклонникам.

В конце концов моей маме это надоело. Мне, признаться, тоже...

Но, мне кажется, мы долго оставались друзьями. Дружески целовались при встречах. Время постепенно нас загасило...

(После смерти Юрия Нагибина его жена Алла Григорьевна сказала мне: «Если бы в судьбе Юрия не было Беллы, то его не было бы и в моей судьбе. Траектории полета этих звезд не могли не пересечься».)

- Юрий Маркович, смысл жизни - в любви?

- И в любви тоже. Смысл жизни - в ее процессе. Понимаете, жизнь - состояние, а не предприятие. Природа провела огромный эксперимент, создала мыслящую материю. Из этого человек узнал, что он

Очень пресным был мой брак с дочерью директора автомобильного завода Ивана Лихачева Валеи. Когда я попал в эту семью, среди друзей считался лихим выпивохой. По меркам же семьи Лихачевых оказался просто трезвенником.

самым близким ему людям, к друзьям, к тому же Нашокину... сколько в них игры, культуры, знаний... Сколько там глубины, сколько там Пушкина! И вот его письма к жене. Он, как всегда, пишет стили-

- Юрий Маркович, что такое счастье?

- Помните «Прощай, оружие!» Хемингуэя? Там лейтенант Генри отвечает: счастье - в любимой женщине. Когда я прочел этот ответ, то, помню, подумал: «Боже мой, как бедно... Гораздо большее счастье в творчестве, в путешествиях, приключениях». Такое запомнилось мушкетерство во мне говорило. Уж любимая женщина, она всегда найдется, думаю.

Мне скоро 75, и я пришел к этой необычной мудрости лейтенанта Генри и Хемингуэя: счастье - в любимой женщине.

Я был шесть раз женат, и каждая женщина что-то вносила в мою жизнь. Думаю, и я каждой из них что-то дал, а был не только мужем. Та, с кем я был счастлив, становилась моей женой. Моя первая любовь - моя первая жена...

Я много ездил. Кроме Южной Америки, в которую меня почему-то упорно не пускали, был почти везде. Был в Африке и написал книгу «Моя Африка». Был в Австралии, на некоторых экзотических островах... Был в большей части Азии, объехал всю Европу, читал лекции в университетах США и Канады... Ну и что? Дало мне это чувство счастья? Не знаю...

Я замечательно работаю в своей профессии, но и это трудно назвать счастьем. Столько муки в этом, постоянное чувство неудовлетворенности собой. Это мое главное дело, но не главное счастье. Возможно, в конечном итоге это может оказаться высшим счастьем в моей жизни, но сам я как счастье это не ощущаю. Меня до сих пор, как ни странно, не разочаровал лишь один-единственный мой рассказ. Это «Рассказ синего лягушонка». Это рассказ об Алле, моей последней жене. Я превратился в лягушонка, а потом встретил козулю, в которую превратилась Алла.

«К поре нашей встречи во мне угасли низкие страсти затянувшейся молодости (справедливо, что не дает плодов то дерево, которое не цвело весной, но плохо, когда весна слишком затягивается и цветенье становится ложным - пустоцвет), и, уже не отягощенный ими, каждый Божий день, каждый Божий час жил своей любовью, что не мешало работе, радости от книг, музыки, живописи, новых мест, социальной заинтересованности и все обостряющемуся чувству природы».

(Из «Рассказа синего лягушонка»).

Мы недавно отметили серебряную свадьбу, больше 25 лет вместе. Это очень много. Мы живем вдвоем, у нас нет детей. Умерли моя мать и отчим, умерла мама Аллы. Казалось бы, мы могли утомить друг друга. Долгие годы не скрепляют, а скорее разъединяют людей. А мы счастливы.

Алла не только следует, она часто опережает мою душу. Гете сказал: «Трудно любить за что-нибудь, легко любить ни за что». А у меня другое: я знаю, за что люблю, и знаю, что ни за что - тоже. Это самое большое счастье в жизни для мужчины - такая подруга.

- Юрий Маркович, ваш отчим, писатель Рыкачев, был очень дружен с Андреем Платоновым, с Борисом Пастернаком. Рыкачеву и Платонову вы обязаны вашему литературному научению. Вы даже писали, что Платонов делал все, чтобы вытравить себя из вашей ранней прозы, вы начали ему подражать... Но вы ведь и наблюдали личную жизнь этих великих людей, их драмы, разрывы. И их счастье... Вот этот опыт вам, тогда еще юноше, что-то дал?

- Сейчас модно раздувать авторитет жен великих людей. Читатели с упоением читают воспоминания той или иной

жены того или иного писателя, поэта... Читают их опубликованные письма. Я сейчас понимаю, что в сфере небесных талантов все абсолютно связаны. Как и в сфере бездарностей.

Невероятно подняли авторитет Натальи Николаевны Пушкиной, а она совершенно не заслуживает того фимиама, который вокруг нее воскуривают. Самое лучшее свидетельство о поэте - сам поэт. Возьмите письма Пушкина к

них лягушках в санатории «Русское поле», где я очень люблю отдыхать. Там рассказ был задуман. Я гулял и видел на воде какие-то синие цветы. Они мерцали и двигались. Они дышали. Я ничего понять не мог, пока не узнал, что это обыкновенные древесные лягушки, самцы. В период брачных игр они становятся синего цвета, чтобы привлечь самочек. Женихи такой яркой окраски. Я не люблю лягушек, не знаю, почему.

Толстой не любил крыс, он мучился, что не может их полюбить, все спрашивал себя: почему они такие некрасивые, что их невозможно полюбить... Боже мой, он всех хотел любить. Так вот. Я печалился, когда цвет лягушек угасал.

Печаль наложилась на тоску - я всегда трудно переживаю расставание с Аллой, а это случилось всегда, когда я был в санатории. Тоска о любимом человеке совпала со зрелищем брачующихся синих цветов на воде. Это стало толчком. Сильные умы допускают, что у человека возможна другая жизнь после ухода, и я представил себе, что я уже буду не я, Алла - не Аллой, а кем-то другим. Можем же мы встретиться в другой жизни, еще раз... Я это представил... Получился рассказ...

- Юрий Маркович, как лягушонок встретил козулю в «Рассказе синего лягушонка», читатель прочтет. А как писатель Нагибин познакомился с переводчицей с английского Аллой?

- Это было как-то многоступенчато. Познакомились мы в одном доме, у сценариста Шлепянова. Читатели могут его почитать по фильму «Мертвый сезон» с Донатасом Банионисом и Роланом Быковым в главных ролях. Была масленица, были друзья. Я был со своей тогдашней женой Беллой Ахмадулиной, а Алла была со своим тогдашним мужем, с которым у нее уже тогда были нелады. Она мне сразу очень понравилась. Ну понравилась и понравилась, разговаривали, выпивали, ели блины... Все было замечательно...

Потом проходит какое-то время, и я узнаю, что она рассталась со своим мужем. Проходит еще какое-то время, и я расстаюсь с Беллой. И как

только это случилось, первая мысль, которая мне пришла: я должен увидеть Аллу. Я поехал в Ленинград. Мы встретились. Вскоре у нас начался роман, который длился какое-то время, а потом прекратился. Я до сих пор не знаю, почему.

Но я все время разлуки чувствовал, что мне нужна эта женщина. И уже навсегда. Я снова поехал в Ленинград, и через короткое время был представлен ее маме, совершенно замечательному человеку. Потом Алла переехала ко мне. И тому уже 25 лет.

- А вашей жене не было страшно, что она связывает судьбу с известным писателем?

- Ей это было абсолютно безразлично. Она вообще не испытывает ни малейшего пиетета ни к именам, ни к фамилиям. Для Аллы самый незначительный человек может стать симпатичным, и она будет ему самым лучшим другом. И плевать она хотела на имена. Хотя она человек скромный...

А вы знаете, Сережа, это признак настоящей души. Это, видимо, свойство каждого настоящего человека: не считать ни себя, ни окружающих чем-то выше или ниже себя. И тем более из-за их положения смотреть на них снизу вверх. Или наоборот.

«Пусть не пел мне сладкий голос - козуля лишена песенного дара, она может фыркать, ворчать, урчать, может закри-

Для Беллы Ахмадулиной я выстроил второй этаж дачи, чтобы ей было уютнее писать стихи... Но Белла не всегда использовала этот уют по назначению. Выпивала свой портвейн и через окно убегала к поклонникам.

чать призывно и смертно, но Алиса безмолствовала. Она просто была при мне, иногда обнюхивала мерзлый камушек и угадывала - живой. Она лежала рядом, но не слишком близко, ибо ее тепло могло меня заморозить, а наружный холод - убить. Откуда она все это знала? Но я слышал, слышал ее дыхание, стук ее сердца, я чувствовал ее любовь и видел, видел зазеленевшие побеги весны моего пробуждения».

(Из «Рассказа синего лягушонка»).

- Вы сказали, что любили всех своих жен. И все-таки, кого - больше?

- Разумеется, Аллу. Нынешнюю мою жену.

любили рассказывать, что слышала взрыва. Когда Лихачевы были молодыми, в перерыве одного из заседаний Иван с будущей женой полюбили друг друга прямо в парке неподалеку от здания, где проходило заседание большевиков (так мало было времени). В момент «извержения» раздался сильный взрыв - эсеры подложили большевикам бомбу. Таким образом, взрыв чудесно совпал с мигом зачатия дочери Вали...

Из-за Лихачева я бросил болеть за свой любимый «Спартак» и переключился на «Торпедо». Но «семейному счастью» это не помогло. У нас с Валей начались параллельные романы: у нее - со студентом консерватории, в которой она училась, а у меня - с ее мамой, то бишь с собственной тещей...

Потом были Лена и Ада. И та, и другая были прелестны, но с Адой было веселее. Она была известной эстрадной артисткой. Мы шумно, с выдумкой отдыхали, получив гоночары: я, Саша Галич и Ада...

Мучительным, но интересным был брак с Беллой Ахмадулиной - моей пятой женой. Белла была первой женой Женьки Евтушенко, он научил ее пить портвейн. А моя мама накормила Беллу вкусным борщом. Борщ ей так понравился, что Белла посвятила ему стихотворение. Думаю, известная уже поэтесса вообще впервые попробовала настоящий борщ...

Для Беллы я выстроил второй этаж дачи, чтобы ей было уютнее писать стихи, сила в «скворечнике», созерцая мир сверху. Она так хотела. Но Белла не всегда использовала этот уют по назначению. Выпивала свой портвейн и через окно убегала к поклонникам.

В конце концов моей маме это надоело. Мне, признаться, тоже...

Но, мне кажется, мы долго оставались друзьями. Дружески целовались при встречах. Время постепенно нас загасило...

(После смерти Юрия Нагибина его жена Алла Григорьевна сказала мне: «Если бы в судьбе Юры не было Беллы, то его не было бы и в моей судьбе. Траектории полета этих звезд не могли не пересечься».)

- Юрий Маркович, смысл жизни - в любви?

- И в любви тоже. Смысл жизни - в ее процессе. Понимаете, жизнь - состояние, а не предприятие. Природа провела огромный эксперимент, создала мыслящую материю. Из этого человек узнал, что он смертен. Знать это и не сойти с ума, больше того - по возможности радоваться каждому дню, который приближает тебя к концу... На такой подвиг только человек способен.

Но вы не подумайте, что я прямо спешу умереть. Я слишком люблю Аллу, чтобы хотеть умереть.

«Пока ты человек, кажется, что мир стоит на ненависти, что им движут властолюбие, честолюбие и корысть, - это правда, но не вся правда. Зло заметнее, ярче в силу своей активности. Для тех, кто живет по злу, жизнь - пред-

приятие, но для большинства людей она - состояние. И в нем главное - любовь. Эту любовь уносят с собой во все последующие превращения, безысходно тоскуя об утраченных. О них скрипят и стонут деревья, о них вздыхают. Шепчут травы, называя далекие имена. Я все это знаю по себе: едва соприкоснувшись в новом своем облике с предназначенной мне средой обитания, я смертельно затосковал об Алисе».

(Из «Рассказа синего лягушонка»).

Жену Аллу Нагибин звал Алисой...

Сергей РЫКОВ.
Фото из архива «КП».